

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2023-4-85-93

А. В. Барыкин¹

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова (Тюмень)*

ПОЭТИКА КНИГИ С. КОМАРОВА «БРАТИЯ»

В статье представлен анализ поэтики книги С. Комарова с точки зрения герменевтического прочтения лирических сюжетов, их интертекстуального потенциала, циклообразующей роли мотивной структуры, образной реализации некоторых мифологем, а также выявления стилистических доминант и примет формотворчества. Преимущественно работа нацелена на интерпретацию иносказательных кодов, отражающих метафорическую усложненность индивидуально-авторского видения, и в целом выявляет те глубинные процессы, которые идут в современной поэзии России с учетом ее многорегиональности. Накопление конкретного аналитического материала относительно текстов последнего десятилетия – важная задача отечественной филологии.

Ключевые слова: поэтика, лирика, С. Комаров, мифологема, метафора

A. V. Barykin

*Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov (Tyumen)*

POETICS OF S. KOMAROV'S BOOK «BRETHREN»

The article presents an analysis of the poetics of S. Komarov's book from the point of view of hermeneutical reading of lyrical plots, their intertextual potential, the cyclical role of the motivic structure, the figurative realization of some mythologies, as well as the identification of stylistic dominants and forms of form-making. The work is mainly aimed at interpreting allegorical codes reflecting the metaphorical complexity of the individual author's vision, and in general reveals the deep processes that go on in modern poetry of Russia, taking into account its multi-regionality. The accumulation of concrete analytical material regarding the texts of the last decade is an important task of Russian philology.

Key words: poetics, lyrics, S. Komarov, mythologeme, metaphor

Изучение книготворчества отечественных литераторов является одним из самых активно развивающихся направлений науки о художественной словесности последнего сорокалетия [Чижов, 2020]. Начавшись с интереса к опыту поэтов золотого и серебряного веков и устоявшись в методологических и методических основах научной рефлексии, это направление подступило и к аналитике книг современных стихотворцев.

---

¹ Алексей Валентинович Барыкин – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова (Тюмень), barykin.aleksej@list.ru.

Сергей Комаров хотя и издается преимущественно в провинции, но о его поисках уже неоднократно писали специалисты [Чижов, 2016; Чижов, 2018]. Кроме того, развернутые саморефлексивные высказывания поэта [Комаров, 2020a] убеждают, что он сложно и многовекторно вписывает свой опыт в большое поле словесной культуры. И это требует внимательнее отнестись к поэтике его книг не только 1990–2000-х годов, но и к изданиям последнего десятилетия [Комаров, 2020b; Комаров, 2023]. Тем более что автор выстраивает свой опыт как тетралогию («Изречие» (2015), «Медленнее» (2016), «Братия» (2018), «Сочинительная связь» (2020)). Осмысление данного многокнижного проекта эффективнее осуществлять пошагово, наша статья и является начальным звеном в решении этой задачи.

Она приоткрывает вход в те глубинные процессы, которые происходят в поэзии Сибири начала XXI столетия, и обозначает точки нового роста космогонического импульса внутри территории России.

Поэтическое творчество С. Комарова являет пример соединения разных стилевых и концептуально-поэтологических тенденций. Прежде всего, следует отметить ориентацию на традиции метафизической и онтологической поэзии, мета-реализма² [Эпштейн, 2016], с неперменной рефлексирующей спецификой как по мировому литературному опыту, так и по искусству в целом: живописи, скульптуре, музыке, архитектуре, кино (в этом отношении весьма показательно оформленные книги графическими работами Микеланджело).

Само название издания симптоматично по некоторым причинам. Братия – «братство, товарищество, община, общество, соглас, кружок, круг, сословие» [Даль, 1989, т. 1, с. 124]. В интерпретации С. Комарова существенным оказывается переразложение «*брат и я*»³, указание на особый статус братства – избранных, посвященных в таинство Слова (Орфей, Иоанн Богослов, Пушкин, Пастернак, Оден, Мандельштам, Бродский, Рыжий, Галич).

Лирический герой заявлен как демиург, медиум, сын богов, «сшиватель пространства», актуализирующий древнюю сакральную традицию, восходящую к космогонической роли поэта. Также показательными являются концепты *воинское братство* (рыцарское служение) – *братство творцов* (Возрождение), *монашеское братство* (апостолы). Особое место в ряду концептов – *меньшие братья* (явленный в образе «единоверца» (сеттера)); кроме того, концепт «братства» представлен как в сугубо эмпирическом измерении – «*братан*», так и в сакрально-творческом – «*брат-известняк*» – материал для будущего изваяния, связанный с культом *земли-матери*, родства человека со всем земным; в связи с этим особое значение приобретает культ земли, проецирующийся в образ земледельца-виноградара и связанного с ним сакральным символом вина, напитка посвященных в «тайной вечери». Помимо этого, в книге культивируется мысль о некоем со-братстве с Жизнью (аллюзия с пастернаковской «Сестрой моей – жизнью»)

² Это обнаруживается в особом контексте «сверххудожественных обобщений», которые наделяют образ «смысловой объемностью мифа» [Эпштейн, 2016, с. 150].

³ Курсив здесь и далее наш. – А.Б.

и о статусе абсолютной свободы творческого проявления через образ «безотчетности братства».

Герой-субъект С. Комарова, носитель поэтического сознания, во многом связан с мифопоэтической традицией: он обладает знанием о пространственно-временной определенности всей вселенной, дает подлинные имена вещам. Согласно космогоническим представлениям, «подобно жрецу, грамматик и поэт расчленяют, разъединяют первоначальное единство, устанавливает природу разъятых частей через установление системы отождествлений (в частности, с элементами макро- и микрокосма), синтезируют новое высшее единство, уже артикулированное, организованное, осознанное и выраженное в слове, сочетающем в себе атрибут вечности с возможностью быть верифицируемым» [Топоров, 1988, т. 1, с. 327]. В этом отношении показателен образ «костюма-мерности» – онтологически-органического *кроя* «себя-в-бытии». Уподобляясь демиургу, лирический субъект нацелен на дионисийство, процессуальность преобразующего хаоса, в котором эмпирические законы сакрализируются, возводятся в статус изначального измерения, отождествляющего человека и космос. Стоит отметить в ряду ведущих тропов *персонафикацию* – антропоморфно-космическое уподобление, сродни индийскому Пуруше.

Пуруша – доисторический великан, согласно Ведам, изображается «одновременно как космическое пространство и как двуполая сущность (...) порождает женскую творящую Энергию... и сам становится ее сыном» [Элиаде, 2009, с. 279]. Боги приносят его в жертву, которой он «предшествует акту творения и превосходит его, несмотря на то, что Вселенная, жизнь и человек берут начало в его собственном теле... Пуруша одновременно трансцендентен и имманентен» [Элиаде, 2009, с. 279]. Персонафикация в книге «Братия» провоцирует особый *персонализм* – тождество микро- и макрокосма. Лирический герой обнаруживает некую всечастьность, онтологическую полноту «*я-ты-мы-они-ничто безличное*».

В этой полярной парадигме выстраивается вполне традиционная модель мира, соединяющая дольний (земля) и горний (облака) уровни с задействованием всех стихийных проявлений, при этом акцентируется внимание на литературоцентричной концептуализации.

Среди специфических доминант поэтики следует отметить *визуальный эффект* с кинематографическими кадрами, драматическими сюжетами, как бы замедленными во времени. Другой эффект – *звуковизуализация* – тождество *звука, буквы, цифры*, отстаивающее претензию на универсальный знак, перерастающий в космогонический символ.

По существу, доминантой поэтики этой книги является *метатроп* [Фатеева, 2003, с. 17–73], реализующий себя в пределах отдельно взятого текста и циклов в целом. Метатропы порождают *метаморфозу*, динамику смежных отношений («*сшивание кусков*») образных рядов, в стилистическом отношении обуславливающих *градацию* с деэпричастиями, повторами, инфинитивными конструкциями, настойчиво проводящими технику *бриколлажа* (ритуала непрямого

называния). В концептуально-коммуникативном отношении процесс сотворения как со-говорения обуславливает ситуацию «братского» диалога. В рамках космологического аспекта слова ощутима его вещественность, предполагающая и эротическую составляющую: *слово* реализует полноту чувственных данных (визуальных, слуховых, осязаемых), что, несомненно, способствует суггестивности поэтического контекста.

Структура книги включает четыре цикла, пятнадцать стихотворений. Композиционно вся образность выстраивается в следующих сюжетных парадигмах.

В первом цикле стихов **«Вложен в костюм»** наблюдается обретение лирическим героем творческой инициации.

1. В стихотворении *«В долине давят виноград...»* фиксируется эмпирически должный устав, все в жизни идет своим порядком, не исключая жертвенности. Герой-воин (показательна образная деталь «автомат») вспоминает о своем выступлении на школьной сцене (хоровое братство), ориентируя свой взгляд на пространственную диспозицию: горы (вертикаль) – долина (горизонт). В тексте имплицитно заявлен образ «дольней лозы прозябания», герменевтически образность отсылает к христианской символике: «имперском теле» (Царь мира), события обыденной жизни в контексте сакрализации (*«В сад // Залезть посмели...»*) провоцируют в сознании читателя образ Эдема (возможно, и Гефсиманского сада), первородного греха, нарушившего изначальную гармонию, повлекшую за собой смерть и войны.

2. Во втором стихотворении *«Говорю же: крестьянин...»* образно решается «природный устав», «соприродность человека», живущего в аскезе и дающего обет молчания (*«и молчанье пронес, / не любя городских, разречливых...»*). Вторая часть задает параллель с природным миром (аналогия крестьянин – муравей). На лицо отсылка к басне «Стрекоза и муравей», без аллегорической усложненности; природный мир представлен в обыденном режиме, однако сопровождаемом специфическим образом «хора» («мычания хор»). При этом создается эффект полифонии, природного многоголосия.

3. *«Мы прижались, как буква к букве...»*. В данном стихотворении отчетливо наблюдается образность с эротическим оттенком, репродуцирующая тему творческой «жатвы-жертвенности». Образ буквы соотносится с некоей условностью, формальностью, привычностью начертания. Непосредственный интерес вызывает интертекстуальная направленность поэтических строк: «Три товарища» Ремарка, прямая цитация Пастернака – *«Поутру поет наша жизнь – сестра»*. Вообще в тексте настойчиво звучит тема родства, например, образ «брата известняка» (отсылка к «Хвале известняку» Одена и скульптурному творчеству Микеланджело).

Особое место занимают бытовые реалии: *«свищишь в ванной поутру»*, *«скребешь по щеке станком»*, и даже в этом обыденном контексте сакрализуются отношения лирических героев. «Стрелы воинов» соотносятся со «стрелой Амура», «стрелами игралица» (что можно соотнести с концепцией жизни как игры,

некоего мирового часового механизма); при этом эротический подтекст проецируется на образность поэтического братства, занимающегося привычным словотворчеством («*Птичий твой язык // Ографят трудом...*»).

4. Последнее стихотворение цикла «*Историческое кино*» примечательно композиционным решением с кинематографическим эффектом. Текст состоит из четырех фрагментов, связанных хронологической корреляцией: 1) общечеловеческая история: он-она – венчание, возможно, это Адам и Ева после грехопадения (показательны образы «платья», «костюма»), и далее – тема греческого язычества – «дар богов» (поэтическое вдохновение), образ Ганимеда, разливающего амброзии (напитка бессмертия); 2) сцена Тайной вечери, раскрывающая образ Иоанна Богослова – самого любимого ученика Христа, покровителя поэтов. Этот образ визуально соотносится с живописной версией Леонардо да Винчи: «*по правую руку / как дева склонен*»; 3) Средневековье с рыцарским культом Прекрасной Дамы, платоническое влечение к которой актуализирует себя в неразрывной связи с особым, интимным участием оруженосца («*Оружие принял / верный юнец, // предан, покорен / желаньям сердец*»); 4) современная сцена с новобранцем («*юноша бритый*»), который едет в поезде, возможно, на войну; он также в ситуации инициации, образным заместителем которой становится «водка», диссонирующая с «амброзиями», «вином».

II. «Назвать ушедшего и угадать объем»

1. В стихотворении «*Не попадает слово на предмет...*» представлена известная дихотомия «знак (слово) – денотат (предмет)». В стилистическом отношении интерес вызывает градиция «*течет, стекает, медлит, обтекает*» – при этом создается эффект метаморфозы, поиска оптимального слова, процесса, ассоциативно представленного зооморфизацией: «*волк голодный в пустоте икает*». Пейзаж (допустима проекция на пушкинское «Бесы») в связке пейзажа с вопрошанием-видением «пень или волк») дан в состоянии некоего апокалиптического откровения – «дрожит», «дождит», ось мира – в горизонтальном разрывывании («гамак»). Бытие ввергается в тотальное преобразование, где Демиург пытается «угадать объем», найти пределы (словесные) «беспредельному»; слова собираются «артельно» (вновь акцент на теме братства («артели»)).

2. «*Из книг ушли слова – пусты страницы*». Концептуальный аспект этого стихотворения заключается в утрате смысла слов, вместо которых – цифры, апокалиптические знаки. Лирический субъект пребывает в состоянии смятения («*мутнеет голова – беспокойней птицы*»), утраты вдохновения. Книга Жизни без слов профанически представлена «раскраской», которая, однако, знаменует некий поворот к минувшему, инверсию детства, обретение себя былого до инициации.

3. Стихотворение «*Остались высоты, длинноты, объемы...*» показательной реализацией формального хронологического и трехмерного измерения бытия. Утрата имен оборачивается бессмысленной абстракцией, наличием счета. «*Пятый упал*» – возможно, пятый век Римской Империи; «*восьмой входит в проемы*» – средневековье, готика; «*двадцатый*» век – в «*неудел, беспредел*». По-

следние строки представляют собой некую апокалиптическую молитву, предвестие грядущей смерти: *«во имя, во славу, в безгрешье успенья, / в дыханье и хланье, в приемный угод»*.

III. «И в ведомости имя». Третий цикл посвящен теме обретения имени через воскресение прошлого.

1. *«Мой мальчик, ты рвешься ко мне...»* написано в память о четвероногом друге (ирландском сеттере). Среди художественных особенностей этого текста стоит отметить оригинальную развернутую метафору, обладающую мощным суггестивным потенциалом – *«сквозь мышцы рыжеликие дверцы // колотится единовецца // горячий собачий язык»*. Концепт братства реализуется через образ «единовецца», в подтексте поэтическое слово оборачивается особым откровением – «собачий лай», «приветствия крик»).

2. *«Стоит извилист, не мозжась...»*. Здесь воскрешается память о футбольном братстве. Особый художественный эффект задает космология игры, представленная пейзажными зарисовками: *«сползая по домам, как гетр – / мой день – с ноги футбольной»*. Инфинитивные конструкции – *«замочиться»*, *«располочь»*, *«бухнуться»*, *«проставить»*, *«залить»*, *«принять»* – придают динамику образности, создают впечатление фатального, неизбежного, но при этом чего-то привычного, действующего по расписанию – *«и в ведомости имя / проставить...»*.

3. *«В хосписе»*. Лирический субъект – в состоянии предсмертных переживаний. Хоспис ассоциативно связан с вокзалом, откуда герой-двойник отправляется в последний путь: *«Там дальше только дно»*. В этом тексте показательно фамильярное обращение *«братан»*, продолжающее тему братства.

4. *«По земной коре...»*. Логика развития образности здесь определяется следующим направлением: от масштабного, космологического до субъективно-конкретного, в горизонтально-вертикальном развертывании художественного мира. В первых строках *«По земной коре / шлеп и шлеп пингвин»*, *«На пустой горе / только ветер да лед...»* представлен южный полюс, начало пространственного разрешения. Далее по принципу контраста *«Во темной норе / мышь валяется – / моей Азией наслаждается»* реализуется иной пространственный вектор. В строках *«На чужом дворе / клетки с клетками»* фиксируется эмпирически привычный мир, обжитое пространство, переходящее в игру «благодатного звука» (возможно, поэтического), уходящего *«за круг»*. Так иносказательным путем реализуется образ поэта-демиурга, находящегося в центре мироздания, гармонизирующего через игру *«благодатного звука»* бытие и трансцендирующего за его пределы.

IV. «Утаиваться в связь»

1. *«Чего так ждут твои поля...»*. Характерной приметой данного текста является развернутая персонификация образа земли. Показательной в этом отношении становится градация, связанная с темой ожидания жатвы, творческого свершения – *«вдыхает», «охаёт», «бугруется», «лонит»*. Мироздание предстает

в образе дома, некоего Мирового Яйца (на что указывает метафора «желток»). Отметим оригинальную метафорическую аналогию жатвы и бритья щек, лица и ландшафта. Подобную аналогию можно рассматривать как намек на портрет английского поэта Уинстена Одена.

Другой художественной приметой стихотворения следует считать образную реализацию некоего гиперболического коитуса: *«перемес, надкус, насад», «как якорь опускает груз / сквозь трюмы, в недогляд, / в подкорки нежности, в сугроб – // проваленный как рот, разъятый, сочный, годный, чтоб // втащить весь небосвод»*. Последняя строфа завершает антропоморфный образ бытия, уже в виде обнаженного тела.

2. Стихотворение *«Замедляясь»* концептуально связано со второй поэтической книгой тетралогии С. Комарова «Медленнее». Героями являются два брата-демиурга, осуществляющие космогонический процесс как некий эротический акт. Текст изобилует откровенными сценами: *«щек, // задушенных в лобзаннях...», «задых, отдых, поддых», «Пространства смять и смыть...», «в безотчетность братства», «утаиваться в связь»*. Применительно к частям цикла можно говорить о космогонии как некоем эротическом таинстве.

Одной из языковых особенностей текста является нагнетание различных глагольных конструкций, деепричастий; повелительные формы *«орфейся», «щеканься», «сочись», «пенься»* отсылают к стихийному свершению поэтического звука (в этой связи вполне закономерно нагнетание аллитераций).

Отдельного внимания заслуживает тема двух братьев, Каина и Авеля: *«не каинся, не канься – // твоя пирвится власть...»* (аллюзия, восходящая к известным строкам Б. Окуджавы), *«И авелится жито, / и авелится песнь – / эфиряется, не шиты, / но яснятся что есмь»*. В последних строках лирический герой предстает в сакральной функции поэта-«сшивателя пространства».

Далее наблюдается аллюзия к пастернаковскому стихотворению «В лесу»: *«нацелится на солнце // и напылит эфир»*. Образы единиц измерения звуками «ом» (согласно буддийской версии, изначальный звук, «зародыш» космогонического слова) и «герц» также соотносятся с творческим преобразованием. С космогонической тематикой связан и мотив цикличности: солнце – луна, приливы – отливы, строки *«ткани расползутся, // швы разомкнутся... // спадут твердыни: БО!»*, образ известняка, податливого, скульптурного материала.

В тексте онтологические реалии предстают в постоянном творении, ожидании нового демиурга, готового к самопожертвованию, подобно Пуруше. В пятой строфе обыгрываются простые «слова», в противоположность первородному слову «спаси-бо, облака...» (отсылка к строкам И. Бродского). В целом образный мир данного стихотворения – в состоянии обретения онтологической полноты («часы», «календарь», «варь»).

3. Стихотворение *«Чтоб облегать меня...»* продолжает тему космогонии, но уже с подчеркнута осязательным эффектом: *«Стекать по мне, воздушиться водою. // И колыхать сквозь слух сосудистой листвою, // И шелест не менять,*

и шепот не менять». На это также указывает образ «обжига» глины: «И пламенеть, что спать, и каменеть, что спать» (возможно, здесь имплицитно заявлен образ Адама (глина) и Евы (сотворенной из его ребра во время сна)).

4. Стихотворение «Возьми мое имя – дай имя горе...» во многом автобиографично. Строку «Готов безмянным войти в январь» следует трактовать как желание лирического субъекта возродиться, обрести себя изначального (январь – месяц рождения автора). В этой связи не случайно появление образа «день Рафаэль» (отсылка к тексту Ахмадулиной). Поэт жаждет тотального *возрождения*, желая слитности, некоей монолитности, обретения единой плоти: «Спрессуются все // в мрамор и известняк, / и ты меня вспомнишь – / и будем мы так, / тесно и твердо, / как мрамор». В финале звучит тема *памяти*, для поэта как сына богов – это универсальный, вневременной опыт, способный воскресить все бывшее (дар Мнемозины). Напомним миф об Орфее, посетившем загробный мир, именно поэты, согласно греческим представлениям, не пьют из Леты – реки забвения.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что поэтологические особенности книги «Братия» во многом обусловлены усложненным иносказательным контекстом, дающим возможность в какой-то мере произвольных интерпретаций. Однако возможность герменевтического прочтения в некоторой степени унифицирует сюжетные коды, позволяет выйти к исходным онтологическим мифологемам. Лирика С. Комарова метатропеична, фиксирует сам процесс зарождения и становления образности, ее динамики, ассоциативного развития не только в пределах отдельно взятого текста, но и в целом авторского поэтического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Даль, В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1 / В. Даль. – Москва: Русский язык, 1989. – С. 124.
2. **Комаров, С. А.** Сибирский поэт в диалоге с И. Бродским: опыт саморефлексии / С. А. Комаров // Поэтика Иосифа Бродского и векторы развития русской поэзии: Сб. статей. – Смоленск: Смоленский гос. университет, 2020а. – С. 338–358.
3. **Комаров, С. А.** Стихи / С. А. Комаров // Алтай. 2020b. – № 2. – С. 127–135.
4. **Комаров, С. А.** Стихотворение: книга стихов / С. А. Комаров. – Москва: Наука, 2023. – 172 с.
5. **Топоров, В. Н.** Поэт / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1988. Т. 1. – С. 327.
6. **Фатеева, Н. А.** Поэт и проза: Книга о Пастернаке / Н. А. Фатеева. – Москва: Новое литературное обозрение, 2003. – 399 с.
7. **Чижов, Н. С.** Книготворчество сибирского поэта Ю. Вэллы: проблемы методологии исследования / Н. С. Чижов // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ / Науч. ред. Н. А. Матвеева, отв. ред. Т. П. Сухотерина. – Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2020. – С. 350–354.

8. **Чижов, Н. С.** Метафизика любви в лирике С. Комарова 1970-х – начала 1990-х годов / Н. С. Чижов // Культура и текст. – 2018. – № 2 (33). – С. 117–129.
9. **Чижов, Н. С.** Тематическое и жанровое своеобразие стихотворных текстов в книге Сергея Комарова «Изречие» / Н. С. Чижов // Культура и текст. – 2016. – № 2 (25). – С. 109–121.
10. **Элиаде, М.** История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий / М. Элиаде. – Москва: Академический проект, 2009. – 622 с.
11. **Эпштейн, М. Н.** Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров / М. Н. Эпштейн. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 480 с.

REFERENCES

1. **Chizhov, N. S.** Knigotvorchestvo sibirskogo poeta Yu. Velly: problemy metodologii issledovaniya / N.S. Chizhov // Fundamental'nye problemy gumanitarnyh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skih projektov RFFI / Nauch. red. N. A. Matveeva, otv. red. T. P. Suhoterina. – Barnaul: Altajskij gos. ped. un-t, 2020. – S. 350–354.
2. **Chizhov, N. S.** Metafizika lyubvi v lirike S. Komarova 1970-h – nachala 1990-h godov / N. S. Chizhov // Kul'tura i tekst. – 2018. – № 2 (33). – S. 117–129.
3. **Chizhov, N. S.** Tematiceskoe i zhanrovoe svoeobrazie stihotvornyh tekstov v knige Sergeya Komarova «Izrechie» / N. S. Chizhov // Kul'tura i tekst. – 2016. – № 2 (25). – S. 109–121.
4. **Dal', V.** Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 1 / V. Dal'. – Moskva: Russkij yazyk, 1989. – S. 124.
5. **Eliade, M.** Istoriya very i religioznyh idej: Ot kamennogo veka do elevsinskih misterij / M. Eliade. – Moskva: Akademicheskij proekt, 2009. – 622 s.
6. **Epshtejn, M. N.** Poeziya i sverhpoeziya: O mnogoobrazii tvorcheskih mirov / M. N. Epshtejn. – Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 480 s.
7. **Fateeva, N. A.** Poet i proza: Kniga o Pasternake / N. A. Fateeva. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. – 399 s.
8. **Komarov, S. A.** Sibirskij poet v dialogue s I. Brodskim: opyt samorefleksii / S. A. Komarov // Poetika Iosifa Brodskogo i vektory razvitiya russkoj poezii: Sb. statej. – Smolensk: Smolenskij gos. universitet, 2020a. – S. 338–358.
9. **Komarov, S. A.** Stihi / S. A. Komarov // Altaj. 2020b. – № 2. – S. 127.
10. **Komarov, S. A.** Stihostoyanie: kniga stihov / S. A. Komarov. – Moskva: Nauka, 2023. – 172 s.
11. **Toporov, V. N.** Poet / V. N. Toporov // Mify narodov mira: Enciklopediya. – Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1988. T. 1. – S. 327.